

История философии

54 Кант о метафизике

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, сегодня днем, рассматривая трансцендентальную диалектику Канта, мы имеем дело, по сути, с его отношением к метафизике. Два предыдущих раздела «Критики чистого разума» вводят понятие эпистемологии, трансцендентальной эстетики, разумеется, связанной с чувственным восприятием, а трансцендентальной аналитики — с нашими суждениями, нашими представлениями, основанными на априорных категориях, на понятиях, которые интерпретируют опыт. Цель всей «Критики» состоит в том, чтобы выяснить, возможна ли рациональная метафизика, рационалистическая метафизика.

Возможна ли на самом деле метафизика, предложенная с аналогичными амбициями на эмпирической основе кем-то вроде Джона Локка? Возможность метафизики. И уже в первых двух разделах «Критики чистого разума», посвященных эпистемологии, он довольно ясно показал, что наше знание распространяется только на явления, проявления, вещи, какими они нам кажутся, а не на вещи сами по себе, ноумены, реальность, нечто непонятное. Таким образом, уже сейчас можно ожидать отрицательного ответа на этот вопрос.

Возможна ли рациональная метафизика? Нет. По крайней мере, не рациональная метафизика с её требуемой для знания достоверностью. Однако в диалектике он диалектически исследует аргументы, выдвинутые метафизиками.

Одно дело — заранее заявить, что это невозможно. Совсем другое — взглянуть на доказательства метафизика и показать, что они не работают. И именно это он и делает.

Таким образом, трансцендентальная диалектика — это его попытка проанализировать аргументы, касающиеся разума, физического космоса и Бога, и показать, что в силу неизбежного использования априорных понятий, которые, насколько нам известно, не применимы к реальности, сами доказательства не дают нам никакого знания о реальности. Вот в каком общем направлении он движется. И вы помните мое замечание ранее о том, что во введении он отмечает, что собирается отказаться от знания, чтобы освободить место для веры.

Итак, он делает это в диалектике, а затем в конце переходит к обсуждению веры. У нас нет метафизического знания, но у нас могут быть самые разные метафизические убеждения. И именно это различие между знанием и верой имеет решающее значение для Канта, как, конечно же, и для Дэвида Юма.

Хорошо? Если вы вспомните платоновскую линию деления, то увидите, что Просвещение стремилось с уверенностью исследовать всю область человеческого знания, но, обнаружив невозможность этого, отступило на уровень веры. Но по-прежнему важно, как и для Платона, различать убеждения, которые кажутся оправданными, и, с другой стороны, то, что является вымыслом, простым воображением или иллюзией. И Юм уже провел это различие для себя.

Кант, очевидно, должен будет это сделать. Таким образом, диалектика состоит из трех частей. В каждом случае он пытается указать на логические проблемы и называет их, в случае разума, аргументами в пользу существования разума; он называет эти проблемы паралогизмом.

Паралогизм — это шаг, выходящий за рамки логики. За рамки логики. Другими словами, аргументы несостоятельны, потому что вывод выходит за рамки того, что можно доказать логически.

Выходя за рамки того, что требуется по предпосылкам. Паралогизмы. Когда мы переходим к разделу о космологии, он говорит об антиномиях.

Антиномия возникает, когда можно привести как аргумент в пользу тезиса, так и аргумент против него. Можно доказать и А, и не А. Больно.

Что же вы тогда будете делать? В этом случае, опять же, у вас есть нечто, что нарушает законы логики. Это противоречит номосу, закону. Что противоречит законам логики? Ну, закон логики — это закон исключенного третьего, А или не-А.

И теперь у вас есть и А, и не-А. Таким образом, антиномия противоречит закону логики. В случае с аргументами в пользу существования Бога он не дает названия для того типа логической ошибки, который здесь имеет место.

Он утверждает, что в результате этих аргументов возникает идеал. Идеал для человеческого мышления. Он вправе сказать, что это идеал, к которому стремится, которого желает и в котором нуждается человеческий разум, чтобы дополнить и объединить наше понимание вещей.

Но это идеал, который в конечном итоге не доказан, хотя его можно и постулировать. Постулировать, постулировать что-либо, конечно, означает предложить это, изложить это, выдвинуть это . А не доказать это.

Таким образом, во всех трех случаях результат один и тот же, а именно, тезисы не доказаны. Теперь давайте начнем с рациональной психологии, с паралогизмов в ней. И, я думаю, вы довольно быстро поймете, к чему это ведет.

Я думаю, это самый простой из трёх разделов. Он указывает на то, что вся наука рациональной психологии, как её называют, начинается, как мне кажется, с декартовского «*cogito*». И с исторической точки зрения это действительно верно, потому что метафизика, о которой он говорит, — это та метафизика, которая развивалась со времён Декарта, и в частности, в той немецкой рационалистической традиции , где было принято делить метафизику на три поддисциплины, получившие именно эти названия — метафизика того времени.

И возвращаясь к Декарту, безусловно, рациональная психология начинается с его *cogito*. Вы помните *cogito, ergo sum* Декарта. Я мыслю, следовательно , я существую.

Что я такое? Я — мыслящее существо . *Res cogitans*. Мыслящая субстанция .

Мыслящая вещь. Это картезианский аргумент, за которым следуют другие, например, аргументы Локка и Беркли, в пользу существования субстанции души. Разум, душа — это вещь.

То, что мыслит. Теперь его возражение касается введения терминов «раса» или «субстанция». И если вы, как я подозреваю, не запомнили эти 12 кантовских категорий, я же вам говорил, что нет , но вы можете перечитать их, и одна из них — категория субстанции.

Вы увидите. Так что, если вы вернетесь к материалу, рассмотренному ранее в критике, на странице 389, в таблице категорий, вы помните количество, качество, отношение и модальность, то категории отношения начинаются с отношения между субстанцией и акциденцией. Субстанция и качество.

Сущность и случайность. Его мысль заключается в том, что связь между случайностью и лежащей в её основе основой — это неизвестная взаимосвязь. У нас есть концепция, которую мы накладываем на вещи.

Так что же происходит в этом аргументе *cogito ergo sum*? С точки зрения суммы все в порядке. Я согласен. Но как только вы вводите понятие расы, вы добавляете что-то к тому, что уже известно.

Вы добавляете понятие субстанции. Теперь cogito, хорошо, это свойство, качество, атрибут. Но если нам неизвестна связь между свойствами и их субстанциями, то, я думаю, мы не можем сделать логический вывод из свойства.

Таким образом, в заключение, я — мыслящая субстанция. Дело в том, что априорное представление о субстанции вторглось в нашу жизнь, и у неё нет объективного ориентира, о котором мы имели бы какое-либо знание. Однако, сказав это, Кант, с другой стороны, понимает, почему мы вынуждены сделать этот логический скачок.

Утверждение, что я — субстанция, мыслящая вещь, подразумевает непрерывность существования. Таким образом, это средство, с помощью которого я утверждаю, что «я», которое мыслит сейчас, и «я», которое мыслило тогда, когда я вспоминаю, что мыслил сегодня, и «я», которое будет мыслить завтра, когда я буду думать о том, что думал сегодня. Поэтому вторжение понятия субстанции не является чем-то плохим.

Дело в том, что оно утверждает больше, чем логически возможно. Оно также защищает от опасности материализма. А для Канта это опасность.

Ему это не нравится. Мы ещё увидим подобное в дальнейшем. Но Кант очень опасается, что реалистичное прочтение ньютоновской науки с её слепыми причинно-следственными механизмами приведёт к созданию некой детерминированной вселенной, в которой нет свободы и нет моральной ответственности.

В результате он хочет защититься от опасностей, как он их называет, материализма. И вторжение идеи единой субстанции, конечно же, является отрицанием любого редукционизма материалистического характера. Но дело в том, что введение единой субстанции порождает проблему соотношения разума и тела.

Какова взаимосвязь между субстанцией разума и субстанцией тела? Обратите внимание, что это снова та ужасная игра слов, и помните, что ни разум, ни тело, согласно Канту, не называются субстанцией. Таким образом, проблема разума и тела, в смысле взаимосвязи между двумя субстанциями, является псевдопроблемой. Но это псевдопроблема, созданная вторжением понятия субстанции.

И вы обнаружите, что в одном месте он отмечает, что на эту проблему есть три типа ответов. Первый — это ответ, что существует некая причинно-следственная связь. В этом участвует физическая причинность.

Вы скажете: это звучит как Декарт. Но очевидно, что это введёт ещё одно априорное понятие — понятие причинности. Альтернативный вариант — сказать, что между ними существует некая предопределённая гармония.

Это Лейбниц. А третий вариант — сказать, что существует сверхъестественная помощь. И это, конечно, окказионализм, который утверждает, что именно Бог производит соответствующие эффекты.

Но это опять же означало бы говорить о чем-то, чего мы не знаем. Поэтому тот факт, что мы выдвинули ипостасию, означает рассматривать ее как субстанцию. Ипостасия — греческое слово, означающее субстрат, субстанция.

Это термин, используемый в тринитарной терминологии ранней церкви. Три ипостаси в одной Осии, вытекают как три лица в одной сущности. Но ипостасовать — значит рассматривать как субстанцию, как нечто, обладающее непреходящей сущностью.

А ипостаси разума и тела, как мы это делаем, логически являются паралогизмом. Это выходит за рамки того, что допускает логика. Впрочем, это лишь один из паралогизмов, присущих рациональной психологии.

Именно эта история была включена в сборник. Но есть ещё три. И если вы посмотрите на страницу 418, вы очень быстро увидите, какие ещё есть.

А если хотите, можете взять в библиотеке полный экземпляр «Критики чистого разума» и прочитать, что он говорит обо всех остальных. Но они очень естественно вытекают из первого. Дело не только в том, что душа есть субстанция.

Это относится к категориям отношений. Но что касается качества, то категории качества здесь просты. Иными словами, оно есть то, что есть, неделимо.

Неделимо. И если вернуться к категориям, перечисленным в пункте 389, категориям качества, отношения, отрицания, ограничения, логическим качествам, утвердительным предложениям, отрицательным предложениям и неопределенным предложениям. Таким образом, сказать, что это просто то, что есть, значит приписать это действительности.

Таким образом, вводится еще одно априорное понятие. Третье, по его словам, связано с различными временными периодами, в которых оно существует; оно численно идентично в своем единстве. По-видимому, это категория количества.

Количественность обладает своей уникальной идентичностью во времени. Это еще одно априорное понятие. И, наконец, четвертый пункт, в отношении возможных объектов пространства, подразумевается в проблеме разума и тела.

В отношении возможных объектов пространства, возможностей и необходимости это еще одна категория. Таким образом, он рассматривает четыре типа категорий: количество, качество, отношение и модальность, и показывает, как в рациональной психологии задействованы все четыре типа категорий. И поэтому в этой области метафизики мы имеем дело с воображаемой конструкцией, составленной из этих априорных понятий, навязанных нашему реальному опыту, — рефлексивной интроспекцией.

Теперь понятно? Комментарии? Вопросы? Вы пристально смотрите. Вы хотите сказать, что это так просто? Да, по сути, это так и есть. Его мысль в том, что эти априорные категории — это категории понимания, а не категории реальности.

Поскольку они не являются категориями реальности, они преобразуют эмпирические данные в нереальные способы мышления. И в результате не только *cogito ergo sum*, что я такое, *pace cogitans*, но и утверждение о том, что я как мыслящая вещь нахожусь в отношении к протяженным вещам, выходит за рамки логики. Это тоже не применимо.

Я, как мыслящее существо, простираюсь во времени назад и так далее, но это тоже не применимо. Я, как мыслящее существо, возможно, могу простираться в будущее, но это тоже не применимо. Я закрою эти кабели, прежде чем споткнусь.

Это был бы ещё один паралогизм. Хорошо, а что насчёт рациональной психологии? Звучит просто? Я сказал, что Канту следовало бы выразиться гораздо короче. Это возможно.

Хорошо, имейте в виду, что он не отрицает существование субстанции души. Он не отрицает существование субстанции души. Он говорит, что у вас нет веских аргументов.

Возможно, это множество плохих аргументов в пользу благих целей. Он этого не отрицает. Но и не подтверждает.

Когда речь заходит о Боге, мы увидим, что он утверждает его существование, хотя и говорит, что у вас нет веских аргументов. А что касается души, он, кажется, говорит, что у вас нет веских аргументов, но он не готов её утверждать, по крайней мере, на данном этапе. Хорошо, рациональная космология, включающая эти противоречивые истины.

А теперь, пожалуйста, откройте, давайте посмотрим, страницу 428. Там страница 429. 428, 429.

Его мысль здесь заключается в том, что термины «душа» и «мир» следует рассматривать не как представления о реальности, а как то, что он называет регулятивными понятиями. В том смысле, что они регулируют то, что мы затем говорим. Душа является регулятивной в том смысле, что она удерживает нас от материализма.

Мир также является регулирующим понятием. Он регулирует то, как мы синтезируем наше мышление о физических вещах. То, как мы проецируем свой опыт.

Теперь, на странице 429, вы видите, что он делает в данном случае примерно то же самое, что и в случае с психологией. Здесь мы снова видим, как он выражается, чуть выше, в соответствии с четырьмя названиями категорий, выделение четырех областей космологии: количество, качество, отношение и модальность.

Итак, вы замечаете, что первый вопрос, касающийся абсолютной полноты целого, второй касается деления, бесконечной или конечной делимости. Первый вопрос касается того, является ли космос конечно или бесконечно протяженным во времени и пространстве. Таким образом, первый вопрос связан с этой бесконечной протяженностью, пространством и временем.

Второй аспект связан с конечной или бесконечной делимостью, возможностью дробления. Третий касается отношения, происхождения. А четвертый связан с модальностью, полной зависимостью, случайностью или необходимостью.

Таким образом, каждая из категорий снова задействована. Затем он по очереди рассматривает каждую из них. А на странице 433 вы можете увидеть структуру его рассуждений.

Тезис заключается в том, что мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве. Он конечен по продолжительности во времени и по пространственной протяженности. Противоположный тезис – это противоположность.

Мир не имеет начала, не имеет пределов, но бесконечен как во времени, так и в пространстве. И он собирается показать... Теперь, его метод — это то, что в логике называется *reductio ad absurdum* (доведение до абсурда). Там, где вы, возможно, помните, вы, надеюсь, должны помнить это из своего курса логики, а если вы не изучали логику, то вы бедны.

Доведение до абсурда начинается с предположения о ложности тезиса. Если тезис ложен, что из него следует? Затем вы показываете, что то, что следует из него и должно быть истинным на основании ложности тезиса, то, что должно быть истинным, само по себе ложно. Следовательно, если это ложно, то отрицание тезиса ложно, и тезис истинен.

Итак, вы это поняли? Запишите это, и вы всё увидите. Хорошо, чтобы доказать А, нужно начать с утверждения, что А не А. Если А не А, то В. Но В ложно, следовательно, А истинно.

Опять вы смотрите пустым взглядом. Наверное, День святого Валентина или что-то в этом роде. Разве вам это не нравится? День святого Валентина, разве вам это не нравится? Ладно, волнистая линия — это отрицательный знак.

По крайней мере, ты не спишь. Волнистая линия — это отрицание. Не А. Хорошо, не А подразумевает В. Ладно, но не В. Теперь, если ты отрицаешь следствие, ты отрицаешь и antecedent.

Не А. То есть, А. Итак, вы доказали А. Вот его метод в этих доказательствах. И вы можете проследить его сами. В первом случае он начинает, видите ли, если мы предположим, что у мира не было начала во времени, то до каждой данной точки времени должна была пройти целая вечность.

Следовательно, в мире должна была произойти бесконечная череда состояний вещей. Однако здесь вступает в игру бесконечная череда, заключающаяся в том, что она никогда не может быть завершена. Поэтому бесконечная череда невозможна.

А начало мира — необходимое условие его существования. У мира было начало. Это и нужно было доказать.

Что и требовалось доказать. Вот оно. Он занимается подобными вещами, касающимися тезиса и антитезиса.

В обоих этих случаях результат таков, что и тезис, и антитезис оказываются истинными. О, это антиномия, не так ли? Противоречие закону непротиворечия. Что ж, он делает то же самое и со вторым случаем, на странице 436.

Каждое сложное вещество в мире состоит из простых компонентов. Ничто не существует нигде, кроме простых веществ или того, из чего они состоят. Видите ли, существуют неделимые единицы.

мире не существует ничего простого, неделимого. Его доказательство начинается с предположения противоположного.

В своем тезисе он говорит: «Предположим, что составные части, составные вещества, действительно состояли из простых частей». И тут же переходит к доведению до абсурда. То же самое повторяется в третьем конфликте на странице 440.

Согласно законам природы, причинность — это не единственная причинность, из которой можно вывести все явления мира. Для объяснения этих явлений необходимо признать другую причинность — причинность свободы. В противоположность ей свободы нет.

И он снова приступает к делу. И в четвертом случае, на странице 444, и так далее. Таким образом, в этих случаях он утверждает, что мы ничего не можем доказать из-за этих противоречий.

Мы ничего не можем доказать о бесконечности космоса во времени и пространстве в противовес его конечности. Мы ничего не можем доказать о делимости в противоположность неделимости. Ничего не можем доказать о детерминизме в противовес свободе.

Ничего не сказано о необходимости в противовес случайности. Поскольку аргументы обеих сторон имеют одинаковый вес, мы на самом деле ничего не можем доказать. И в результате мы получаем то, что находим на странице 447.

В заключение этого раздела он называет трансцендентальным идеализмом. Обратите внимание, что эта фраза выделена курсивом. Трансцендентальный идеализм.

Да, трансцендентальный реализм превращает простые представления в сами вещи. Во втором столбце трансцендентальный идеализм, напротив, допускает, что объекты внешней интуиции могут быть реальными, воспринимаемыми в пространстве и времени как представленные, но само пространство, как и время, со всеми явлениями, не являются вещами сами по себе. Они не могут существовать вне сознания.

Таким образом, его различие между феноменальным и ноуменальным подтверждается. Вы понимаете эту логику? Я вижу, как Дэвид кивает головой. Хорошо.

Всё довольно просто. Затем, наконец, обратимся к разделу рациональной теологии, который начинается с 463-й страницы. И здесь, здесь, он

рассматривает три аргумента в пользу существования Бога, которые до его времени считались традиционными доказательствами.

Во-первых, это онтологический аргумент, во-вторых, космологический, а третий, который он называет замысловатым физико-теологическим, на самом деле является просто вариантом телеологического аргумента. Хорошо. Это также три аргумента, которые Юм обсуждал в своих «Диалогах о естественной религии».

Хорошо. Значит, на этом этапе цель та же. Если вы скажете: «Нет, подождите, разве нет морального аргумента в пользу существования Бога?», то ответ будет утвердительным. Но ведь Кант первым его представил.

Итак, об этом поговорим позже. Что касается онтологического аргумента, то, во-первых, вы знакомы с ним по Ансельму, Декарту и так далее, — это идея существа, которое существует по необходимости. В чём здесь проблема? Проблема в том, что он вводит понятие необходимости.

Это вводит понятие необходимости. Скажем так: Бог существует. Что это за утверждение? Будьте внимательны.

Кант утверждает, что это не предложение. Предложение имеет подлежащее и сказуемое. Существование логически не является сказуемым.

Понимаете? Потому что, когда вы что-то приписываете, вы наделяете это свойством. Существование — это не свойство.

Утверждение о существовании Бога — это просто констатация факта, без дополнения к предложению. Таким образом, когда онтологический аргумент утверждает, что Бог необходимо существует, он утверждает, что Бог — необходимое существо. Необходимо что-то предикативно утверждать.

Но как только вы ставите предикату необходимости, вы обращаетесь к априорному понятию. Понимаете? К одной из категорий: модальность, случайность и необходимость.

Итак, онтологический аргумент, видите ли, пытаюсь раскрыть концепцию Бога как необходимого существа, я, кажется, уже сделал это здесь, заключается в обращении к этой концепции. Он спрашивает: является ли это аналитическим утверждением? Видите ли, нет.

Это не аналитическое утверждение. Логически, термин «Бог», определенное имя, что угодно, не является тем же самым, что и необходимость. Это не аналитическое утверждение.

Оно должно быть синтетическим. Но откуда тогда берется идея необходимости? Видите ли. Таким образом, онтологический аргумент включает в себя априорное значение.

Это проблематично. Это просто связка, соединяющая субъект и предикат. Космологический аргумент, космологический аргумент, на самом деле зависит от онтологического.

Потому что космологический аргумент основывается на аргументе о причинной зависимости. Причинной зависимости. Иными словами, он предполагает, что существование космоса зависит от необходимого существа.

Таким образом, он предполагает именно то, что предполагает онтологический аргумент. Космологический аргумент предполагает вывод онтологического аргумента. Конечно, он мог бы также сказать, что само понятие причинности является априорной категорией.

Видите ли. Хорошо. А затем телеологический, физико-теологический, телеологический аргумент.

В общем, речь идёт о распорядке космоса. О распорядке вещей. О распорядке единства, которое мы наблюдаем.

И сделать из этого вывод. Но подобный аргумент исходит из формы, а не из материального существования космоса. Аргументировать, исходя из его формы, — значит отстаивать точку зрения какого-то архитектора или дизайнера.

Видите ли, вы не можете утверждать существование такого создателя, не имея в качестве предпосылки существования этой упорядоченной вселенной. Но это повлекло бы за собой космологический аргумент в пользу существования .

Таким образом, телеологический аргумент будет зависеть от космологического аргумента, который, в свою очередь, зависит от онтологического аргумента. А поскольку онтологический аргумент несостоятелен, ни один из них не работает. Вот такова его линия рассуждений.

Хотите, я повторю это ещё раз? Хорошо. Затем перейдём к заключению, а потом вернёмся. Заключение состоит в том, что телеологический аргумент зависит от космологического аргумента, который, в свою очередь, зависит от онтологического аргумента.

Поскольку онтологический аргумент несостоятелен ... Хорошо. Рассмотрим телеологический аргумент .

Хорошо. Телеологический аргумент — это аргумент от порядка к упорядочиваемому объекту . Следовательно, если упорядоченная вселенная существует, то её причина обязательно должна быть упорядочивающим объектом .

Теперь вы ввели нечто другое, что является предметом космологического аргумента. А космологический аргумент утверждает, что это должна быть необходимая причина. Но идея необходимого существа, Бог есть необходимое существо, — это то, о чём идёт речь в онтологическом аргументе.

Итак. Хорошо. Да.

Знаете, и, очевидно, вы задаетесь вопросом: почему это не положило конец всем подобным теистическим спорам? Понимаете, ответ, я думаю, двоякий. Во-первых , не все согласны с эпистемологией Канта.

А если эпистемология Канта ошибочна и категории не являются чисто априорными, то всё опровержение аргументов, предложенное Кантом, не работает. Понимаете? Другими словами, если можно установить объективную реальность таких вещей, как случайность и необходимость, причинная зависимость, то можно заставить их работать.

Видите ли, у меня есть друг, который раньше преподавал здесь с нами, Стюарт Хакетт, написавший книгу под названием «Воскрешение теизма», в которой он утверждает, что категории, по сути, категории Канта, являются не только категориями мышления, но и категориями реальности. Понимаете? Его аргумент в пользу этого таков: каковы альтернативы? Одна из альтернатив — скептицизм.

Это абсурдная возможность. Понимаете? И поэтому, если вы хотите обладать хоть какими-то знаниями, то категории должны соответствовать реальности.

По сути, он рассуждает именно так. Но если категории применимы к реальности, то доказательства должны работать. Или, по крайней мере, возражение Канта не работает.

Таким образом, он принимает то, что Лейбниц называет теорией преформирования. Преформирование между мыслью и вещами. Поскольку наше мышление адаптировано к тому, как обстоят дела, категории работают.

Очевидно, это один из способов решения проблемы, будь то подход Хакетта с категориями или другой, более эмпирический подход. Другая альтернатива, конечно, заключается в том, чтобы утверждать, что существование является собственным предикатом. Если существование является собственным

предикатом, то заключение доказательства может быть просто: следовательно, Бог существует.

И здесь нет этого непреодолимого желания что-либо запутывать. Поэтому возникают подобные альтернативы. Но это классический отрывок из Канта.

Мне кажется, что из двух подходов, Юма и Канта, подход Юма к аргументации оказал более длительное влияние. Возможно, потому что диалоги читаются легче, чем «Критика чистого разума». Да.

Я думаю, что позиция Канта оказала огромное влияние, но просто из-за его эпистемологии, а не из-за того, как он её изложил в этих опровержениях. Поэтому Юм в этом смысле более важен в самом обсуждении доказательств. Хорошо.

Итак, после такого подхода к метафизике, к чему это его приводит? Он оказывается на 480-й странице. И это точно. Это точно.

Кант говорит, что мы не можем доказать существование Бога. Мы не можем знать, в том смысле знания, который мы понимали в эпоху Просвещения, мы не можем знать, что Бог существует. Что еще мы можем знать о космосе?

Или знайте, что вы — субстанция души. Мы не можем знать этого. Однако идея Бога — это идеал.

Это идеал, концепция, которую мы придумываем, потому что она завершает весь объем наших предполагаемых знаний. Она ставит точку во всем остальном. Посмотрите на страницу 480, второй столбец, новый абзац примерно посередине.

Таким образом, чисто умозрительное использование разума позволяет рассматривать высшее существо лишь как идеал, но идеал без изъянов. Концепция, которая завершает и венчает все человеческое знание. Объективная реальность которого, хотя и не может быть доказана, не может быть опровергнута.

Итак, если должна существовать этико -теология, а не физико -теология, он противопоставляет их. Телеологический аргумент он назвал физико -теологическим. Теперь он рассматривает другую возможность — этико -теологический аргумент.

Если бы существовала этико -теология, способная восполнить этот недостаток, трансцендентальная теология, которая прежде была проблематичной, оказалась бы незаменимой для определения её концепции, для постоянной

проверки разума, который так часто обманывается чувственностью, не всегда находящейся в согласии со своими собственными идеями. Так что это идеал. И если бы удалось доказать существование этого бытия, тогда вступил бы в игру идеал, который мы получаем из телеологического аргумента.

И мы можем утверждать, что Бог действительно является упорядочителем , архитектором, мудрым создателем всего космоса. Хорошо. Да, потому что, и это изложено в предыдущем абзаце, несмотря на недостаточность доказательств, трансцендентальная теология имеет очень важное негативное применение.

Видите ли, это регулирующее понятие. Оно регулирует ваше мышление о Боге. Поэтому, если вы можете доказать, что Бог существует каким-то другим способом, то ваше представление о Боге будет регулироваться этим трансцендентальным идеалом.

Хорошо. Теперь это подводит его к заключительному разделу, озаглавленному «Мнение, знание и убеждение». И я настоятельно рекомендую вам очень внимательно прочитать эти две-две с половиной страницы, потому что они имеют решающее значение для понимания замысла Канта во всей «Критике» и необходимы для понимания того, что следует далее в его других работах.

Почему, например, его более короткая работа по метафизике называется пролегоменом к будущей метафизике? Видите ли, он одобрил рационалистическую метафизику прошлого, но присоединяется к будущей метафизике. Понимаете?

И здесь мы видим его первый намёк на нечто вроде будущей метафизики. На странице 381 он говорит о доктринальных убеждениях. Он говорит о доктринальных убеждениях .

И он говорит о моральных убеждениях. О двух видах. О двух видах убеждений.

Доктринальные убеждения связаны с идеалом, который заставляет нас верить в определенные вещи о Боге как о высшем разуме, упорядочившем все для достижения мудрейших целей. Понимаете? Но, с другой стороны, моральные убеждения ведут нас дальше.

Доктринальные убеждения довольно нестабильны, потому что невозможно доказать существование этого существа. Но моральные убеждения — это другое дело. Посмотрите внизу второго столбца, пункт 481.

Потому что моральные убеждения основаны на действиях. Иными словами, это Исходя из того, что я должен подчиняться моральному закону во всех отношениях. Понимаете?

И он продолжает утверждать, что если я должен подчиняться моральному закону, то это влечет за собой дальнейшие практические последствия в отношении существования Бога и будущего мира. И в самом начале главы 482 он говорит, что ничто не может поколебать эту веру. Это убеждение не является логическим, но представляет собой моральную уверенность.

Это основано на субъективных соображениях, на том факте, что я морально уверен. Видите ли, логической уверенности нет, но есть моральная уверенность. Если мы морально связаны моральным законом, то всему, что вытекает из существования морального закона, я морально обязан следовать.

И он помогает нам предвосхитить моральный аргумент в пользу существования Бога, который он развивает не здесь, а в критике практического разума, на основе развитой этики. Таким образом, результатом критики чистого разума, как он говорит во введении, является отказ от знания и освобождение места для веры. Понимаете? Что ж, это краткий обзор диалектики.

Охватывает весь спектр тем. Хорошо, вопросы, комментарии, обсуждение. Что? Сегодня вы не так много говорите.

Что касается идеологического аргумента, что бы он смог сделать в ответ на это? Если бы существовала другая теологическая точка зрения, не в том смысле, что создатель является дизайнером, а в том, что материя каким-то образом уже существовала, или мир существовал в порядке, установленном дизайнером. Если бы он начал с утверждения: «Мы знаем о существовании материального мира, и этот материальный мир также очень упорядочен», — он бы исходил из предпосылки существования и смог бы довести её до заключения. Ему всё равно пришлось бы поработать над концепцией причины и следствия.

Но как он мог бы утверждать, что материя существует, если бы он еще не примирился с критиками по поводу концепции причины и следствия? Понимаете? Да. Вот чем занимаются шотландские реалисты. Такие люди, как Томас Рид.

Томас Рид, я не знаю, подробно ли он это рассматривает, но, кажется, он утверждает, что в силу наших естественных убеждений, особенностей человеческой природы, нашей естественной веры в существование материальных вещей и причинно-следственных связей и так далее, мы можем доказать существование Бога как Творца. А когда вы читаете Чарльза Ходжа, теолога из Принстона, жившего около 140 лет назад, чья систематическая теология является одной из стандартных пресвитерианских теологий, вы видите, что он опирается на этот шотландский реализм. Так что же он делает? Он использует космологические и телеологические аргументы.

Ему не нужно возиться с онтологическими аспектами. Если вы не исходите из концепции, вы исходите из того, что реально вам противостоит. Да, сэр? Но разве Кант не мог бы ответить на подобный аргумент, сказав, что, поскольку мы навязываем этот порядок, то вы не можете рассуждать, исходя из этого порядка, потому что вы сами его навязываете? Да, но видите ли, именно в этом и заключается эпистемологическое различие между Кантом и шотландскими реалистами.

Нет, они не признают, что мы навязываем свои концепции. Мы получаем эти концепции из нашего непосредственного опыта взаимодействия с миром. В своей эпистемологии они скорее придерживаются аристотелевских взглядов.

Не в смысле реальных универсалий, а в смысле обучения абстрактному мышлению на основе опыта. Мне стало интересно, поскольку Кант утверждает, что, по крайней мере, мы знаем о своем существовании и о категориях вещей внутри нас, не мог ли он, исходя из телеологического аргумента, доказать существование Бога, опираясь на то, что мы знаем о себе? Да, и вы найдете это в «Критике суждения», которую мы рассмотрим, если не в среду или пятницу на следующей неделе, то именно там он это делает. Он говорит о двух видах суждения.

Один из способов — это эстетическое суждение в нашем понимании эстетики. Другой — это телеологическое суждение. И он утверждает, что существует четыре разных способа объяснить телеологию.

Четыре различных мировоззрения, и тут начинает возникать понятие мировоззрения. И он выбирает физико-теологическое. А именно, мировоззрение, в котором упорядоченность природы создана Богом.

Это своего рода телеологический аргумент. Но здесь он рассуждает, исходя из того, насколько человеческий дух, со своими категориями, идеально приспособлен к познанию природы, к наслаждению её красотой и величием. Таким образом, это скорее аргумент, основанный на наших эстетических способностях, чем на логических.

Таким образом, Кант не только выдвигает моральные аргументы в пользу существования Бога, но и начинает развивать эстетические аргументы в пользу существования Бога. Да, моральный аргумент появляется в «Критике практического разума», а эстетический — в «Критике суждения».

И я не вижу никакой зависимости между ними. Возможно, я ошибаюсь, но я не вижу никакой связи между ними. Они могут зависеть от определенных аспектов его эпистемологии, но я не думаю, что они зависят друг от друга. другой.

Ну ладно, на сегодня всё, на этой неделе всё хорошо, на этих выходных всё, и увидимся в следующую среду.